

**«СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ»
И ИХ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СТИЛЯ И ТИПА МЫШЛЕНИЯ****Е. В. Чашин***Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

Поступила в редакцию 28 ноября 2016 г.

Аннотация: в данной работе отражен малоисследованный аспект проблемы влияния мышления, сформировавшегося в той или иной социальной общности, на дальнейшее функционирование этой общности в условиях современного кризиса самоидентичности.

Ключевые слова: «Новая социальная общность», идентичность, мышление.

Abstract: in this work reflected the unexplored aspect of the influence of the thinking that shaped in one way or another social community, the continued operation of this community in the conditions of modern crisis of self-identity.

Key words: «New social community», identity, thinking.

В течение длительного времени проблема формирования особенных типов мышления остается проблемным полем многих наук. Социологами, культурологами, социальными психологами и представителями так называемого «среднего уровня» философии регулярно поднимается вопрос о непосредственной взаимосвязи между социокультурной средой, в которой развивается человек, и специфическим типом его мышления. Последний, очевидно, должен формироваться у человека именно под прямым или опосредованным влиянием среды в русле диалектического взаимодействия с ней. Позиция о влиянии социальной среды на особенности мировосприятия человека последовательно отстаивается многочисленными исследователями уже довольно давно [1–4]. Однако проблема исследования существенного обратного влияния, сформировавшегося в определенной социальной среде и специфического для нее типа мышления на данную среду, рассматривается в современной литературе намного реже.

Последнее открывает большое поле для научных изысканий при условии учета особенности взаимосвязи между мышлением и социальной средой. Эта особенность будет выражаться в том, что от характера общности, очевидно, будет зависеть и специфика влияния на нее мышления, что, в свою очередь, потребует соответствующей классификации социальных общностей. Одно из наиболее распространенных определений социальной общности – «совокупность людей, выделяемая по критерию территориальных и социокультурных параметров и объединяемая устойчивыми связями и отношениями» [5]. При этом данное объединение должно быть реальным, взаимосвязь между людьми – максимально устойчивой и обладающей способностью задавать параметры самому

объединению, а сами люди, в контексте их совместного социального действия, – являться воплощением коллективного субъекта.

Причинами формирования социальных общностей чаще всего выступают:

- 1) сходство, близость условий жизни людей;
- 2) похожие потребности и интересы;
- 3) единство взглядов и подходов к решению некоторых или многих проблем;
- 4) ощущение пользы от проявления взаимодействий и прочего сотрудничества;
- 5) неформальное причисление участников к данной общности.

В соответствии с современными социологическими и социально-философскими принципами можно определить следующую типологию социальных общностей: по их величине, по степени организованности, по историческому типу. Так, по величине они явно разделяются на крупные и малые, по степени организованности – на мало- или слабоорганизованные и жесткоорганизованные, по историческому типу – на традиционные, индустриальные и постиндустриальные.

Крупные социальные общности. К таковым объединениям можно отнести: наемных работников, предпринимателей, фермеров, защитников окружающей среды, противников военных действий. Большие социальные общности обладают значительным влиянием, поэтому вызывают интерес у социологов. Благодаря своей значительной численности общности могут распространять влияния на значительные территории.

Малые социальные общности. К ним относятся семьи, сотрудники отделов, группы студентов в учебных заведениях, выпускники, объединения собственников жилых домов. Малые общности представляют интерес для социологии, так как в ряде случаев на их основе возникают крупные массовые общественные организации и движения, играющие важную роль в демократизации общественных отношений.

Малоорганизованные общности, которые возникают для совместного решения ограниченной задачи, а по мере ее решения прекращают свое существование. Например, избиратели какой-либо партии, участники общественных движений.

Жесткоорганизованные общности отличаются наличием четкой программы, руководящих органов, преемственностью деятельности. Примерами могут быть: общественные движения, политические партии и прочие структуры, имеющие устойчивое социальное основание и характеризующиеся формальными социальными связями, в том числе иерархически выстроенными. Зачастую общности с жесткой организацией возникают на основе малоорганизованных общностей.

Возможно деление социальных общностей и по историческому типу:

1. Традиционные – общности, основанные на традиционной системе ценностей: семья, род, на более высоком уровне сознания – корпорация (каста, сословие, община).

2. Индустриальные – классы, профессиональные союзы.
3. Постиндустриальные – «новые социальные общности», возникающие в русле большой социальной дифференциации современного социума.

На анализе последних необходимо остановиться более подробно. Проблема социальной дифференциации постиндустриального общества прежде всего связана с множественностью идентичности современного человека [6].

В современном обществе наблюдается отсутствие такого важного для предшествующих этапов общественного развития социального параметра, как единая и целостная система социальных установок. Сознание современного человека характеризуется разрозненностью и симулятивностью [7]. Скорость обмена информацией, вызывающая информационные перегрузки, изменение системы ценностей и девальвация этих ценностей становятся источниками угнетения сознания. Они мешают социальной идентификации человека, его определенности как личности с твердыми мировоззренческими основаниями [2]. Человек оказывается как бы «вброшенным в мир» выражаясь языком М. Хайдеггера [8].

Отсутствие подобной простой системы оценки человеком своей социальной роли «прокрустова ложа» приводит к социальной дезориентации. Данная тенденция проявляется в создании псевдоидентификационных общностей, характеризующихся наличием как реальных, так и эфемерных основ.

Ключевым явлением в современном общественном развитии оказывается не сам процесс идентификации, а «борьба за идентичность». «Новые социальные общности» стремятся любыми путями добиться признания за собой определенного реального статуса, что предполагает в дальнейшем их политико-правовое оформление. Выделение в рамках современного общества таких групп приводит к возникновению нового социального устройства, предполагающего наличие привилегированного статуса для «новых социальных общностей», так как права этих социальных групп являются четко оговоренными и обособленными от прав остальных. Таким образом, мы можем говорить о явлении «новой сословности». При этом в новой системе «привилегированный» статус не наследуется, но приобретает путем самоидентификации и открытым заявлением себя в новом статусе в обществе (зачастую это приобретает форму кича). Кроме того, процесс включения каждой личности в новую среду остается эксклюзивным, целиком и полностью зависящим от ее индивидуальных заслуг и приложенных усилий.

После так называемого явления «смерти идеологий» [9] в обществе происходит перезагрузка традиционных теоретических философско-идеологических установок. Мир оказывается в ситуации перманентного поиска. Предложенные после Второй мировой войны модели развития на сегодняшний день заходят в тупик. Началась процедура их семантического «банкротства», конечный этап которой мы наблюдаем в данный момент исторического развития. «Соответственно, в фокусе глобаль-

ной конкуренции оказались вопросы сравнительной эффективности моделей развития и систем ценностей, т. е. идея, что «все кошки серь», если выключить свет идеологий. Конечный критерий – эффективность, будь то протестантская этика, конфуцианство, просто теория развития» [там же]. Как следствие прежнего краха мироустройства и социальной идентификации внутри оказавшегося далеко не столь однородным, как считалось ранее, мирового сообщества и возникают эти идейные поиски. С одной стороны, ретроспективного характера, ориентированные на разные категории исторического прошлого, а с другой – футурологические построения. Мы можем наблюдать такие порождения причудливых компиляций и амальгам, как Национал-большевистская партия и разнообразные постмодернистские построения. В слоях образованной политической элиты стран Запада мы видим рождение неоконсерватизма наряду с «новой правой» и «новой левой» сущностными установками. В среде деятелей искусств и культуры наблюдаем озабоченность и самокритичность современного кинематографа, все более теснимого интернетом, и вынужденного существовать по правилам интерактивности. Кинематограф в погоне за зрителем стремится, по сути, к превращению в реалити-шоу. Среди представителей научного сообщества это проявляется в распространении такого явления, как изучение любого объекта (или псевдообъекта) в виде чего-то априори самобытного и уникального. Современное общество отличается от раннего индустриального тем, что одновременно является приватно-культурным и кичаще-открытым. Одним из символов данной противоречивости является выкладывание в «Инстаграм» собственной пищи. Это – синкретизм, проявляющийся в иллюзии приватности, ибо «в королевстве слепых и одноглазый – король»!

Особое место среди прочих «новых социальных общностей», борющихся за собственную идентичность, занимает группа сообществ, стремящихся к псевдорелигиозной идентичности. Псевдорелигиозная идентичность заключается, во-первых, в распространении новых тоталитарных религиозных течений, таких как иеговисты, аум сенрёкю, салафиты, а во-вторых, в политизации религии, выражающейся, в частности, в фундаментализме одних и его крайнем отрицании другими («Верующие» как особый тип идентичности и панки-атеисты «Pussy Riot»). В данном контексте псевдорелигиозная идентичность особенно опасна, поскольку может приобретать деструктивные социальные формы. В этом смысле показательны действия индуистских фундаменталистов, убивших индийского президента Ганди, или православных фундаменталистов, периодически устраивающих акции устрашения в отношении деятелей «срамного искусства». Вообще феномен «псевдорелигиозности» в последнее время становится настолько распространенным в обществе, что вызывает озабоченность или даже опасение уже не только в политической или научной среде, но и среди неспециалистов. С одной стороны, общий религиозный кризис, возникший на почве секуляризации сознания, привел к сокращению числа по-настоящему верующих людей. С другой

стороны, желание принадлежать к сильной и влиятельной духовно-социальной группе делает популярным позиционирование человеком своей религиозной принадлежности. Согласно соцопросу «Левада-центр» на религиозную тему, принадлежность к социальной группе «верующие» оказалось для очень большого числа людей не более чем «модным трендом». Так, среди опрошенных граждан около 90 % «верующих», но одновременно с этим 61 % либо сомневается в существовании Бога, либо отвергает его наличие. А еще 61 % «православных» никогда не брал в руки Священное Писание. Это свидетельствует о том, что религиозность в секуляризированном обществе стала одним из формальных признаков социальной идентичности [10; 11].

В противовес современным традиционные социальные общности формировались более последовательно, обстоятельно, закономерно. Однако глобализация и на них накладывает свой отпечаток. Для традиционных социальных общностей характерна родоплеменная и, в более широком смысле, национальная идентификация. В работах А. Здравомыслова и В. Тишкова глобализация представляется фактором, выполняющим противоречивую роль в формировании национальной идентичности [12; 13]. Стимулируя воспроизводство и переопределение национальной идентичности, глобализация вызывает к жизни архаичные формы идентичности, которые в условиях социально дезинтегрированного общества усиливают этнополитическую дистанцию. Глобализация продуцирует так называемые демонстрационные формы идентичности, которые в условиях российского общества становятся фактором маргинализации социального поведения. Яркими примерами подобного являются и вызывающее поведение выходцев с Кавказа в общественных местах (танцуемая на улицах лезгинка, стрельба из огнестрельного оружия на свадебных церемониях), и гипертрофированное подчеркивание своей «русскости» со стороны радикальных националистических кругов.

Еще один пример формирования «новой социальной общности», активно поддерживаемой масс-медиа, – принадлежность человека к той или иной сексуальной среде. Элементом поведения современного человека становится демонстрация его сексуальности, которая очень часто выступает в виде кича, особенно культивируемого в современном искусстве (журналы «Плейбой», «Пентхаус», х/ф «50 оттенков серого»). Это становится обусловленностью общей тенденции отчужденности человека, заявленного еще Э. Фроммом, либо одномерного человека, заявленного Г. Маркузе. Общая сексуальная детерминированность общества является одной из предпосылок возникновения ЛГБТ-сообществ как новых форм социальной идентичности. Популярность подобного подхода среди молодежи базируется на подмене социального статуса человека его сексуальным статусом, что подкрепляется успешностью отдельных представителей секс-меньшинств (Фредди Меркури, Элтон Джон) и общей атмосферой эпатажа в среде масс-медиа.

При этом вызов, бросаемый молодым поколением остальному обществу, внешняя, формальная, демонстрационная сторона имеющего место быть самоопределения заменяет сам смысл социальной идентификации как осознания внутренней принадлежности к той или иной среде.

Массовое самоопределение современной молодежи происходит под лозунгом «Идентичность – ничто, борьба за идентичность – всё!».

Переход с малых социальных групп на большие, со слабоопределенных на жесткоопределенные при размывании прежних характерных для традиционного и раннего индустриального общества ментальных клише становится трендом в самосознании и самоидентификации для современного общества.

Новые социальные группы, таким образом, оказываются в состоянии постоянного, и зачастую неосознанного, поиска идентичности. В условиях так называемого «определения неопределенного» [14] – особого процесса, детерминирующего личностную идентификацию в современном социуме, – этот поиск и провоцирует появление «современных социальных общностей». Определение неопределенного всегда связано с оценкой рисков. Любая информация, становящаяся достоянием сознания познающего субъекта ввиду постоянного информационного «прессинга» многократно переосмысливается и реинтерпретируется внутри группы, что-то признается ложным, другое – воспринимается как объективная данность. Однако внутрigrупповое критическое восприятие новых знаний способствует агностическому взгляду на мир. Вкупе с постоянным увеличением информационных потоков это приводит к желанию более четкого осознания себя и выбора собственного личностного пути как одного из способов минимизации рисков. Проблемой в данном случае становится сам характер коммуникаций, которые, как и информационные потоки, постоянно растут, но приобретают менее устойчивую, условную форму. По мере встраивания социальной группы в коммуникационные связи с другими группами, личные контакты, как внутри, так и вне ее, становятся все более спорадическими. Чем большим будет число групп, вошедших во всемирную коммуникативную сеть, тем, в конечном счете, более атомизированным будет число контактов между их членами. «Виртуальные сети», ставшие символом нашего времени являются примерами того, как повсеместное распространение информационных технологий привело к появлению сверхбольшого условного и аморфного коммуникативного пространства, обладающего при этом собственной стилистикой в выражении мыслей, чувств и своими особенностями передачи знаний.

Возникают две разнонаправленных тенденции: с одной стороны, требование «борьбы за идентичность» подталкивает человека к приобщению к определенной социальной общности, с другой – особенности обмена информацией, влияющие на совокупность стилей мышления субъекта, не позволяют ясно и отчетливо осознать свою собственную роль и место внутри этой общности. Значит идентификация не будет устойчивой и посто-

янной. Она оказывается полностью детерминирована культурными условиями, но осознанными с помощью специфического стиля мышления и подвергшимися влиянию субъективных факторов мировосприятия.

Социальные общности, образующиеся на национально-идентификационном, конфессионально-идентификационном, политическо-идентификационном признаку, признавая друг друга и чужие ценностные ориентиры, тем не менее остаются под абсолютным гнетом собственного специфического мышления. Поскольку последнее является сложным комплексом всевозможных стилей – научно-теоретического, обыденного, религиозного, эзотерического, – его влияние также будет носить многосторонний и многоаспектный характер. Особенность взаимосвязи социального бытия и мышления в обществе неопределенности будет заключаться именно в том, что, сформировавшись, под влиянием социальной среды, мышление, выступающее и как процесс, и как результат самоактуализации сознания, будет оставлять отпечаток на деятельности этой среды. Это влияние может иметь как опосредованный, так и прямой характер ввиду многоаспектности феномена мышления как одного из аспектов самоидентификации, выбора своего личностного пути в зачатую иллюзорном и «симулятивном» многообразии социальной среды.

Человек, ранее руководствовавшийся при формулировании собственного оценочного суждения лишь тем, что было детерминировано физиологическими особенностями или социокультурным влиянием лишь на уровне совместной трудовой деятельности, получает возможность абсолютно неограниченного выбора как самой стратегии, так и формы мышления.

Сформировавшись в устойчивой и малой социальной группе, специфический для нее тип мышления сначала набирает вес и значимость для данной среды, подчиняясь требованиям и здоровой логике ее развития, а затем, при распространении уже в неустойчивой и большой общности, сам начинает влиять на среду, заставляя людей мыслить сообразно не реальным социальным требованиям, но условностям и абстракциям. Таким образом, зависимость новых социальных групп и «современных социальных общностей» от господствующего стиля мышления становится явной. Заключение их в рамки устойчивых самоидентификационных трендов становится чрезвычайно распространенным явлением.

Литература

1. Абульханова К. А. Социальное мышление личности / К. А. Абульханова // Современная психология : состояние и перспективы исследований. – М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2002. – Т. 3. – С. 88–103.
2. Калашникова Е. М. Личность и общество (Проблема идентификации) / Е. М. Калашникова. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1997. – 156 с.
3. Матяш Т. П. Объективно-исторические формы мысли как отражение форм практической деятельности / Т. П. Матяш // Диалектическая рефлексия действительности и научное познание. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1983. – С. 59–72.

4. Швырев В. С. Рациональность как философская проблема / В. С. Швырев // Рациональность как предмет философского исследования. – М. : Ин-т философии РАН, 1995. – 225 с.

5. Булышко Д. М. Социальная общность / Д. М. Булышко // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/12b/2753_gricanov-neveyhiy_filosofskiy_slovar_1.php

6. Сатина И. В. Профессиональное самоопределение в постиндустриальном обществе / И. В. Сатина, С. Ю. Макарова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2015. – № 1. – С. 80–87.

7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.

8. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.

9. Яковенко А. В. Еще раз о дипломатии в XXI веке / А. В. Яковенко // Россия в глобальной политике. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/diplomacy/Posle-smerti-ideologii-16807>

10. Носовский Ю. Русь – крещеная, но не просвещенная / Ю. Носовский. – Режим доступа: http://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/19-12-2012/1139329-levada_opros-0/

11. Попов Н. П. Насколько мы набожны / Н. П. Попов / Стандарты и качество. – Режим доступа: <http://www.ria-stk.ru/mi/adetail.php?ID=8266>

12. Тишков В. А. Реквием по этносу : Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

13. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире / А. Г. Здравомыслов. – М. : Логос, 2010. – 410 с.

14. Чащин Е. В. Современное мышление в условиях общественных трансформаций и возникновения глобальных проблем : дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Чащин. – Пермь, 2010. – 185 с.